

Владимир Каткевич

Замена

Рассказ

«Незаменимых людей нет, а вот незаменимых мы будем выкорчевывать».

Помполит Тупиков (Бетховен)

1.

Когда Дитя Войны выгнали с «Борея», он временно работал на «Ромашке», тихоходе 29-го года постройки. «Ромашка» («Герои Заполярья») регулярно каждые двадцать три дня приходила в Александрию с грузом жира-смальца для каирской парфюмерной фирмы: как известно, свой свиной жир исламские государства не производят. Назад из Алекса на Одессу везли пять трюмов рома «Негро», «Мишель», еще «Арабский бренди» и тонизирующую настойку «Абу-Симбел» с изображением Рамзеса Второго. Почему и «Ромашка» – так грузо-пассажирский пароход обозначали одесские грузчики. В Варне еще добирали попутный груз, баклажанную икру. Грузчиков в Одессе из трюмов извлекали грузовой сеткой. Когда в продажу выбрасывали ром «Негро», в городе останавливались заводы.

Рамзес Второй был изображен на этикетке в виде рассеянного грифона. Тридцатиградусную «Абу-Симбел», настоящую якобы на травах пустыни, пользовали судовые дамы. Хотя откуда в пустыне целебные травы? Накатят стопку и делятся, как им «Абу» помогает. Если колет где. Или пучит. Или прострел. Потом поют.

– Девочки, давайте что-нибудь Гуслина Енгибарова! – предлагает бельевая хозяйка.

На подходе к Александрии пробирались вдоль мола, на котором в сизой дымке щетинились зенитные батареи. Разгон волны

там впечатляющий, батарейцев окатывало, на стволах орудий сушилась постируха.

Блоки брекватера были разукрашены морскими пришельцами. Кто-то здесь стоял или швартовался, чтобы замерять глубины фут-штоком. И написали: «ДМБ-68 Ляма, Орехово-Зуево». Одну букву исправили, чтоб ступенчатое «Орехово-...уево» звучало смешнее. Эти условно-загадочные, как предчувствия, граффити-аббревиатуры предназначались, конечно, не для местных, но военные проговорились, что малевали по просьбе самих египтян. Им так спокойнее. Когда израильские русскоязычные водолазы читают, они не так хулиганят.

Пока «Ромашка» чертила известные лоцману зигзаги, рыскала в акватории порта, преодолевая самое большое зеркало Средиземноморского бассейна, ромашковцы наблюдали очередь на рейде у элеватора. Из сухогрузов разных пароходств, латвийского москитного, архангельского лесного и других, вплоть до камчатского. Пестро загаженные голубями суда маялись на бочках. Надстройки пароходов пробовали окатывать забортной водой, но она была агрессивно соленой, разъедала царапины на руках, соль припорошивала палубе. Кстати, деревянный настил в соли не так пропадает. Потом привыкали, ленились и драили только трубу с красной полосой. Для демонстрации полосы. Корпуса же в отстое обрастали моллюсками интенсивнее, чем в ходу, и тихо мохнатились. Самое удивительное, что вялились в очереди... чтобы помочь слаборазвивающимся (!). Это была трогательно безалаберная, почти родная ловушка.

Плавсредства в очередюге теснились в беспорядке. Если ветер морщил это болото, зашибавшее одесской канализацией, присвистывая в лесе мачт и рангоутов, то хороводил пароходы вокруг швартовых бочек, и беспорядок только усугублялся. Через пароходную давку приходилось протискиваться вплотную к фальшбортам. «Заслуженную-простуженную» (и в Арктике, и в Антарктике) «Ромашку» («Герои Заполярья») узнавали. Удивлялись, что еще на ходу. При виде навигационно опасного тихохода, замаранного до гафеля коричневым жиром, брезгливо сторонились. На судах палубным командам объявляли аврал. Там, где ленились, благословляли боцмана и электрика на бак.

– Когда уже «Герои Зазеркалья» наплаваются?! – ворчали с судов, выражая недовольство судовой обстановкой и жизнью в целом.

– Пароход с иголки! – издевались. – На иголки должны были их порезать, а они соскочили.

Дитя Войны запомнил один сухогруз, универсал последнего поколения, «Мценск». «Мценску» даже не нашлось места в паровой очереди, он стоял сбоку припеку лишенцем и всем мешал. Заждавшийся экипаж обычно кучковался на юте. Каждый рейс «Ромашка» везла кого-то на замену команды «Мценска». Скупыми порциями, летом, в период отпускной страды, кадры переживают острый недостаток плавсостава. И дефицит соображения.

– Двух мотористов приве...? – спрашивали с «Мценска». В этот момент по-звериному, как от боли, вскрикивала подлодка, торопили барку забрать команду на берег. В Алексе служат с утра до пяти, такая у парней боеготовность. В пять разбегаются по дувалам. Подлодка, конечно, бывшая наша, а распорядок уже восточнее.

Как-то привезли на замену не двух, а сразу четырех шульцев-моторменов. Почему кадры отреагировали так размашисто? Возможно, переборщили из-за формализма, одушевленный довесок случается, когда служебное рвение проявляют сразу несколько инспекторов. У каждого своя группа судов, своя головная боль и кадровые заначки. Иногда несогласованность бывает умышленной, чтобы послать человека к черту на кулички, где он лишней. И доложить об исполнении маневра кадрами. А потом, когда по рукам вломят, скрутить козью морду и изображать исполнителное недоумение. Ну хорошо, если пароход привязался на двадцатом причале Старо-Крымской, откуда добираться до кадров пару остановок троллейбусом. Обычно при кадровой чехарде поднимают на ноги влиятельных знакомых, всю группу поддержки, мазу, как говорится. Кадры кое-как кособоко выходят из положения. Или обещают перековаться.

– Радиста привезли? – спрашивают с юта «Мценска». – А подшкипера?

– Выдвинете достойного из своих рядов, – изголяются с «Ромашки».

И тут аккурат всплеск, вспучивание воды, барботаж со дна, шипение бульб. Канализацией зашибает забористее. Не слышно ни хрена, кого привезли, а кого кадры макнули. Конец мизансцены в сероводородном удушье. Чихают умышленно громко с неприличным окончанием.

По акватории тарыхтит полицейская мотофелюга, констебль каждые две-три минуты поджигает от сигареты бикфордов хвост взрывпакета и лениво швыряет через плечо в воду. Вонючка взрывается на глубине. Чтобы от ударной волны водолазам-диверсантам стало хорошо.

– А электрика привезли? – умоляет уже с расстояния заждавшийся горемыка с «Мценска». – Вместо Ценного, – представляется. Это у него такая хвастливая фамилия – Ценный. Почти артистический псевдоним солиста театра «Ромэн». Может, он действительно ценный кадр, никто не спорит. «Очи черные» выдает со слезой, потому капитан и маринует. Он истошно орет, заходитися, а «Ромашка»-то движется себе, одышечно чапает с креном, инвалид моря, после ремонта вместо двух гребных винтов один только раздобыли на свалке. И тот левого шага. Труба-макарона яхты короля Фаруха промелькнула, чайки горланят оглашенно. Где там услышать сквозь какофонию шумов и плесков гигантского порта? Ушла. Да и не предусмотрено для электрика утешительности, чтоб осчастливить в ответ. Однако с «Ромашки» обнадеживают:

– Еще везу-ут!

Потеха.

Потеха, но не для отпускника. Едва не повредившийся умом наэлектризованный электрик, сидящий на чемоданах, хватается за голову – банальный театральный жест, и убегает со сцены театра «Ромэн». Куда? Короткое замыкание в профголове, «казз»? За борт сиганул? Это чревато, можно от гранаты получить неприятности.

Со временем, как и в любой очереди, обозначились проворные капитаны, которые, используя связи, добивались через министерство преференций и просачивались к причалу без очереди. Как моряки заграничания к кассе кинотеатра имени Фрунзе. Залепуху наплетут, что, дескать, в голодающей стране хлеб ждут не дождутся. В каком-то захолульном Лимпопо. А Армагеддончик

с соориентацией – вот он, рядом. Причалы в руинах, запустение, гуманитарная катастрофа в кабельтове. Из полуобрезных досок наши рогатые городят в трюмах щиты для крепления сыпучего груза, а потом, естественно, выбрасывают. А местные бомжи раньше времени их воруют, дерутся из-за дармовых обзеловых щепок.

На развалках хрюкают бездомные. Жуют подобранные зерна, как голуби.

Грузовик с кузовом без бортов, как для похорон, возит мешки с мукой. На повороте останавливается. Будто для раздумья: *«На-лево пойдешь – в разруху попадешь...»*. Босоногий подросток спрыгивает с кузова и... руками поворачивает колеса. У грузовика нет кабины и колонки руля! Во как!

А капитан «Мценска» тоже новичок, присланный на замену. И ему, нештатному временщику, напополам. «Валюта потихоньку капает, и ладно». Он не станет жаловаться на опередившего нахала с тремя шевронами и галуном, боится испортить отношения с кормчими пароходства – выдвигенец. Произвол на высшем уровне. Вот почему очередь увеличивается. В другую сторону.

А «Мценск» все околачивается на том же якорном месте, он стал деталью неприглядного пейзажа. Вода зашибает известно чем. Спертая жарища давит. Она не так донимает в ходу, а на стоянке мука, на настиле палубы можно яичницу шкварить. Если не стошнит. С берега навещают кусочие изумрудные слепни. Попривыкали крыльями раздвигать шерсть у верблюдов-дромадеров. А что им прическа-полубокс? Команда шлепалками их плющит. Итоговый счет вахта записывает на доске объявлений у трапа. С темнотой активизируются летучие мыши. Размах крыльев у перепончатых полтора метра. Не уступят беспилотникам. Полеты во сне и наяву. Их вахта пугает фальшфейерами, но грандмыши – как привязанные: отлетят для вида – и назад к спардеку липнут, неравная борьба продолжается в круглосуточном режиме.

– Спортивно-оздоровительный концлагерь, – съязвил токарь.

Помполит за черный юмор наказал провокатора неувольнением на берег. А чего точила там потерял? Все равно цветной металл и подшипники команда поменяла на стереооткрытки, где девки подмигивают.

Каждый раз Ценный ждал, надеялся, что, наконец, пришлют. Когда рак свистнет, может, и пришлют. Кто саботировал ротацию? Это неважно. В таких ситуациях инспекторы, тасующие судьбы в колоде личных дел, укатывают неубедительно, но заманчиво. Могут невинно вяленным пообещать приемку нового парохода в Японии. Невнятно.

Так Ценный маялся месяца три, произносил мысленно обличительные монологи в адрес кадров.

Но самая изощренная пытка, когда товарищи уезжают, а ты остаешься. Палубным пугалом для летучих мышей. За время стоянки почти вся команда заменилась, ему не о чем с новыми базарить, он уже чужак, у них новости, впечатления, виды на мохер, а он отстал от жизни. Ценный все надеялся, сокрушался, терпение было на исходе. Терпение электрика лопнуло, когда через четыре месяца стали возвращаться из отпусков товарищи. Они успели отдохнуть, некоторые развестись, а он все маялся. Как заговоренный.

Последний раз «Ромашка» пришла, а одичавшего бедолаги нет. Удавился или за борт шмыгнул?

2

Вскоре Дитя Войны, как и обещали, отозвали в кадры, он на «Героях Заполярья» околачивался временно. От резерва. Чтоб не красить жирафов в пароходском детсадишке. В отделе кадров увидел Ценного. Тот посвежел, постригся, шерсть на голове подкрасил хной и топтался в очереди (снова в очереди), но на этот раз не пароходной, а человеческой. К инспектору, курировавшему универсал последнего поколения серии «М» – «Мценск» называется (!). Этот неумный, как ни в чем не бывало, снова ломился на «Мценск»! Но он еще в Александрии достал кадровиков по радио, и потому его игнорировали. В кабинет просачивались без очереди. Он снова был на грани отчаяния. Спустился в подвал, который плавсостав обозначал «Депонентом», разбавленного пива хлебнуть из баночки. А там снова без очереди прут, покомандно.

Ценный пробился-таки на свой пароход, продемонстрировал недюжинную волю. Потакая собственному безволию. Так ему и надо.

Такая привязанность к опостылевшей казенной, не принадлежащей тебе клетке свойственна больше приматам. В замене есть что-то животное, как будто горностае выкуривают. А животное привыкло к стесненности. Жизни и помыслов. Или к полному отсутствию несбыточных надежд и мыслей. Был такой фильм, «Утраченные грезы». Животное не знает другой жизни. Животному на воле тревожно. Впрочем, грех зубоскалить, тем более осуждать.

«Нет, назад дороги нет, – подумал Дитя Войны, – надо на паромы, только на паромы, там совсем другое качество жизни». К инспектору, отправлявшему на заложенные в Финляндии паромы, очередь была, как на Степовой за мандаринами перед Новым годом. Публика в основном салажняк после училищ или тихо блатные, кто «на лопате». Дитя занял очередь и прикинул: «До обеда не пробиться, надо где-то затумбариться, жрать охота».

Напротив по коридору слабо угадывалась другая очередь, душ пять к Ворнику, инспектору его бывшего парохода «Борей», откуда Дитя ушел со скандалом. «Толпа блатных и кучка нищих», – подумал Дитя. В очереди к Ворнику вялился пожилой машинист Жижя.

– Ты еще живой, Гуца? – обрадовался Дитя.

– Еле живой, – признался Жижя. – Я развелся...

– Значит, живой, – приободрил Дитя. Он тоже развелся, но раньше.

– За мной будешь, – сказал Жижя.

– К удаву? Снова на «Борей»? Нет, не буду. И ты не будь кроликом.

– На паромы не прорваться, – охладил Дитятын пыл Жижя.

Из двери вышел помполит «Борей» Тупиков и поздоровался. Жижя напрягся, раскланялся, как нищий на паперти, а Дитя отвернулся и подумал: «Надо же, эта сволочь туда же! В порядке живой очереди». У Дитяты к помполиту были свои претензии. «Интересно, если б я не развелся, тесть бы устроил меня на паромы?» – прикинул.

Семейная жизнь Дитяты не сложилась. Он приехал в Одессу из загадочного населенного пункта «Разъезд № 38/179» по набору, мантулил а порту помощником машиниста тепловоза,

до уровня докера не опускался. И учился помаленьку заочно в высшей мореходке. Ему не давался матанализ, как, впрочем, и многое другое.

С женой познакомился по списку. По рукам водоплавающих ходили списки дочерей высшего звена пароходства. С адресами и номерами телефонов. Дитя выбрал кандидатку с еврейскими корнями. Для надежности. Судов тогда было мало, но тесть продвинул его на блатной пароход. На пароходе Дитя Войны застрял на рядовой должности, такое бывает, монотонная работа не зажигала, не ладилась и даже опротивела, его не воспринимали всерьез, и перспективы были загоризонтные. Навязчивой идеей у Дитяти, его мейнстримом стало устроиться кандидатом в партию. А вдруг придет РДО-разнарядка по набору кандидатов с указанием количества, никак не меньше? Как в расстрельных списках-заявках. Партия сказала: «Надо», – помполит ответил: «Есть». Или вырвать ксиву. Не заслужить доверие беззаветным трудом, а вырвать рекомендацию любой ценой у помполита Тупикова. И пробиться в офицеры. Уже на другом судне. Когда развелся, каждый очередной рейс воспринимал последним. Считал, что его и списали по навету тестя. Хотя на самом деле его отбраковали как профессионально опасного (не социально), он чуть было не устроил морскую катастрофу. Перед уходом пытался шантажировать помполита Тупикова, вырвать хоть шерсти клок.

Вырывать в последний момент пресловутый клок ловчее всего у отъезжающего старшего комсостава, который может разобтвиться, дескать, твоя не моя, а может, и назло кондуктору или сменщикам, которые его подсидели, коварно всучить им такое счастье, как Дитя. Пусть помучаются с муркетом. На это Дитя и рассчитывал, по большому счету. Но рекомендацию не дали, не до него было, и Дитя Войны впервые решился оставить блатной пароход без дальнейших интриг и подковерщины. Правда, поставил встречные условия:

– Если дадите рекомендацию в ВКП(б) Ленина-Сталина, – заявил помполиту Тупикову, – то обещаю на судно не возвращаться. А не дадите, вы уже сюда – ни ногой!

Тупиков сначала ошалел, потом озадачился. Просто так не замахиваются. Этот мордovorот отнюдь не мальчик, лысеет уже.

Говорят, кандидат в мастера по боксу, может покараулить в перелуке Нахимова и покалечить. Помполит поднял личное дело. Сегодня он развелся, завтра сошелся... А тесть участник войны, обороны Одессы, лендлизовец, награжден значком «Двадцать лет безаварийной работы», говорят, ногой дверь к начальнику пароходства открывает... С плеча не стоит рубить, может лесиной расплющить, в пароходстве все блатные, сначала надо прочувствовать, у кого остолоп на лопате. Поэтому Тупиков (Бетховен, стучит, как в огненной симфонии) не спешил ставить Дитя на место. Да и своих забот хватало.

Тупиков вернулся с папкой, на обложке было крупно написано *т/х «Борей»*. С настроением прошлепал к заветному кабинету инспектора Ворника и внимательнее посмотрел на Дитя. Теперь Дитя сдержанно кивнул. Тупиков не ответил и зашел в кабинет. «Наверное, чернить меня будет Дворнику», – догадался Дитя.

Тупиков скоро выпорхнул уже без папки, его до двери почетно проводил инспектор Дворник. Дворник узнал Дитятю и похлопал по пояснице.

– Заходи-ка, ты мне как раз и нужен! – пригласил по-свойски.

– А вы меня возьмете? – спросил с сомнением Дитя.

– А почему бы и нет? Для демонстрации флага. Ты же, если не ошибаюсь, с приемки на пароходе, старожил. Как говорится, корабль – дом! – инспектор снова похлопал его по пояснице.

– Бывает, что и барак дом, – отрикошетил Дитя.

– Да, бывает. Я тоже жил в бараке. Когда учился в академии генштаба. Славно было, черемуха цвела... В окно к девкам лазали. Эхма! Пока офицерское общежитие на Фрунзенской набережной ремонтировали. Жили мы там с офицерами-пожарниками, они на курсы приехали из гарнизонов. Хорошие ребята, никакого чванства, академичности. Самая необоснованная чопорность у маргиналов, имей в виду. Ты же моторист?

– С высшим образованием, – напомнил Дитя.

– Не комплексуй! – инспектор улыбнулся золотыми коронками. – У меня две военных академии, а я с вами возякаюсь. Одна, между прочим, генерального штаба.

– Так вы генерал?

– Полковник.

– Генерал-полковник?

– Просто гвардии полковник, командир дивизии. Полетишь в Пуэнт-а-Питр на замену. Это на Гваделупе. Проявишь себя, направим на приемку нового балкера в Японию.

Через полчаса ему выдали направление снова на блатной пароход. И красивый билет «Дойчганза», на конверте была нарисована обезьяна.

Дитя спустился в «Депонент». Жижя позвал из очереди. Воду отключили и баночки не освобождали, вредничали, сосали пиво через силу. До разрыва мочевого пузыря. Разливщица их пожалела и нацедила с пеной в кульки. Дитя стал рассматривать билетный конверт с изображением обезьяны. Обезьяна была похожа на помполита Тупикова. «Такая же ехидная», – подумал Дитя.

– Похожа на Нольку Годыну из холодного буфета, – заметил Жижя. – Ты ей нравишься.

– К вам можно пришвартоваться? – спросили. К ним прибился Ценный, электрик. Тоже с пивным кульком.

– Я вас, амиго, бачил в Александрии, – Дитя оживился. Дитя рассказал, что наблюдал электрика неоднократно с борта другого парохода. – И куда нацелились на этот раз? – поинтересовался.

– На «Мценск», – сказано было как-то виновато и обреченно. – А вы с «Героев Зазеркалья»?

– На «Мценске» пора доску привинтить.

– Какую доску?

– На голову:

«Здесь, на т/х «Мценск», плавал и страдал электрик Ценный.

Патриот и старожил. Пароход сторожил...»

– Звыняйте, дядьку, один нескромный вопрос с галерки: что там, на вашем «Мценске», налажена линия контрабанды? Или, если не высокопарно, там говном намазано? Оно, конечно, выглядит гармонично: Ценный с «Мценска». Но я так и не догоняю, почему ты рвался на свободу, а тебя гнобили?

– Меня от бывшей жены инспектор спасал. Хороший мужик.

– Мужская солидарность, понимаю. То есть вялили под заказ. Так бы и сказал.

– Наверное. Кадровик – человек...

- Человечище! Хороший психолог. Бывший смершевец?
- Нет. Он в авиации служил.
- Значит, в дальней.

Он поделился. Экс-жена зарилась на жилплощадь, обложила со всех сторон, в отдел кадров ходила, как на работу, комитет плавсостава на уши поставила, расставила силки, чтобы изловить Ценного по приходу. Инспектор это скумекал и нарочно прятал Ценного за границей. Даже когда тот потерял терпение и готов был сдать, не чаял вырваться, бомбил кадры радиogramмами. А инспектор продолжал его игнорировать. И фактически спас от дрызг и судов. Жена же связалась с мужиком-куркулем, располагавшим излишками жилплощади и небольшой отарой овец, и сама отстала от Ценного.

- Теперь она нового хахалю к ногтю прижмет, - обнадежил Дитя.

Ценный летел в Коломбо. Может, в трудную минуту дефицита кадров вызвался благородно помочь кадрам своей вакантной персоной.

- Я подумал, на пароходе меня знают, я всех знаю, от добра добра не ищут! - рассуждал Ценный. - А на новый пароход придешь - там салажняк... Работать не хотят. Руки из жопы растут. Один салага шабером руку проткнул. Насквозь. Да что там шабер, не умеют шкрябку держать! Не хочу, уже нервы не те.

- Они сейчас дипломы мореходок покупают, чтоб в чистом ходить, - клеймил новую генерацию Жижю. - Плэйбой.

- Бойфрэнды, - уточнил Дитя.

- Это буквально, - согласился Ценный. - Но они дипломы не покупают, они их через цветной ксерокс пиндюрят. Мутанты!

- Я все-таки не догоняю, - снова причалил к Ценному Дитя. - А зачем тебя инспектор потом вялил, когда жинка произвела замену экипажа?

- Инспектор помер.

- Бывает.

- Хороший человек был. Попурри исполнял... На расческе. Попурри это из какой оперы?

- Из твоей. Знаешь, как называется? «Леди Макбет Мценского уезда». В главной роли Ценный. Композитор Шостакович.

– Фамилия кадровика была Звездун.

– За исцеление от звездной болезни!

Чокнулись кулками. Дитятин кулек лопнул, окатило носки, хорошо билеты не искупались. Дитя снял носки, выбросил по-дальше, чтобы не воняло, и шлепал на босу ногу. Как когда-то в Пуэнт-а-Питре. Собака подобрала носок и принесла, чтоб не пропал. Дитя купил в ларьке-батискафе гирлянду сосисок, подхарчил собаку. Пиво тянули через дырочки из Жижиной надутой тары. Собака глядела на них, зажав в пасти сосиску, как сигару. Дитя отломил у собаки кусок сигары-сосиски, зажевал и снова угостил хвостатую. Чтоб не обижалась. Жижя противно чавкал. Дитя оборудовал вторую поилку для себя. Хоть бурдюк был общим, но с персональными сосками. Как для телят.

